

СООБЩЕНИЯ

ДВЕ ТЕНДЕНЦИИ В ДВОРЯНСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ШВЕЦИИ XVII ВЕКА

А. С. Кан

Известно, что на заре капиталистической эпохи в менее развитых, но тесно связанных с молодым буржуазным миром странах наблюдался возврат к давно пройденным человеческим формам эксплуатации, причем особенно жестоким. Таковы плантационное рабство в Новом Свете и так называемое второе закрепощение крестьян в ряде стран Восточной и Центральной Европы. На первых порах и в более развитых странах капитализм порождает «кровавое законодательство против экспроприированных» и создавал «белых рабов» в лице законтрактанных слуг и ссыльных¹.

Качественно разнородные явления — рабское законодательство и второе закрепощение крестьян в XVI—XVIII вв. — связаны в нашем представлении одно с западом, другое с востоком Европы. Между тем, на рубеже средних веков и нового времени в Европе были страны, где не восторжествовала еще капиталистическая эксплуатация и не было осуществлено второе закрепощение, но где, бесспорно, имелись тенденции к тому и другому. Столкновение этих тенденций можно наблюдать даже в рамках одного хозяйства, имения. Иными словами, усиление феодально-барщинной эксплуатации происходило здесь в условиях успешного становления буржуазного уклада, и потому в дальнейшем процесс разложения феодализма был особенно своеобразен. Так обстояло дело в Швеции XVII в., дворянское хозяйство которой еще не было предметом исследования ни русских дореволюционных, ни советских историков².

Конкретно-исторический материал, относящийся к аграрной истории Швеции в позднее средневековье, представляет бесспорный теоретический интерес. Вопрос о товарном производстве в условиях феодализма, о природе и причинах второго закрепощения крестьян продолжает вызывать споры. В наших учебниках по истории средних веков и нового времени, а также в новом издании Большой советской энциклопедии говорится об обусловленности второго закрепощения крестьян приспособлением дворянства центрально- и восточноевропейских стран к потребностям западноевропейского рынка сельскохозяйственных продуктов, потребностям, возрастающим по мере развития капиталистических отношений в Европе³. Эту точку зрения отвергают некоторые экономисты и историки: серьезные возражения против такой трактовки в отношении аграрной истории Польши и особенно России, правда, периода XV—XVI вв., выдвигали такие крупные ученые, как покойный Б. Д. Греков⁴ и С. Кутшеба. В последнее время против указанной точки зрения бегло, но весьма решительно выступил на страницах «Вопросов истории» Ф. Я. Полянский, обьявивший ее даже буржуазной!⁵.

Швеция, аграрные проекты Карла XI.) «Известия АН СССР». Серия истории и философии, 1947, № 1.

³ См. статью «Второе закрепощение крестьян». Большая советская энциклопедия. Т. 9. Изд. 2-е. 1951, стр. 371; Новая история. Т. 1, под ред. В. Бирюковича, Б. Поршнева, С. Сказкина. Госполитиздат. 1951, стр. 273, 285. В. Ф. Семенов. История средних веков. Учпедгиз. 1949, стр. 388.

⁴ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. Кн. I, изд. 2-е. М. 1952, стр. 5—7.

⁵ Ф. Я. Полянский. О товарном производстве в условиях феодализма. (По материалам истории западноевропейского феодализма.) «Вопросы истории». 1953, № 1, стр. 40.

¹ См. Э. Вильямс. Капитализм и рабство. Издательство иностранной литературы. 1950, стр. 30 и след.

² На смежную тему из области политической истории см. Р. Ю. Виппер. Первые проблески просвещенного абсолютизма. (Борьба монархии с дворянством в

В Швеции (и во входившей в ее состав Финляндии) второго закрепощения крестьян как такового не произошло: барщина так и не стала главным видом ренты, сохранена была личная свобода крестьян. Однако при внимательном рассмотрении и здесь можно наблюдать все признаки этого явления, правда, в ослабленном виде, как тенденцию: внедрение и увеличение барщины, ограничение поземельных прав и личной свободы крестьян, возникновение и рост крупного помещичьего хозяйства, сгон крестьян с земли ради расширения господской запашки и площади лугов, усиление товарности помещичьего хозяйства, наконец, общий рост дворянского землевладения. Можно ли объяснить все эти явления исключительно или главным образом причинами внутреннего порядка, например, ростом внутреннего рынка? Решение этого вопроса на материале Северной Европы должно либо подкрепить либо поколебать точку зрения, которая нашла отражение как в статье нового издания БСЭ о втором закрепощении крестьян, так и в наших учебных пособиях по истории средних веков и нового времени.

Анализ указанного материала представляет, как нам кажется, определенный научный интерес еще и потому, что в общих лекционных курсах и учебниках проблема шведского и вообще скандинавского феодализма, его становления и разложения освещена очень скупо.

Наконец, надо иметь в виду, что именно в XVII в. экономическое развитие Швеции имело также известное международное значение. На протяжении всей истории этой страны не было другой такой эпохи, когда бы Швеция столь активно участвовала в международных делах и влияла на расстановку сил в Европе. Судьбы ряда стран оказались в XVII в. и примыкающем к нему начале XVIII в. тесно связанными с военно-политическим потенциалом их северного соседа. Недаром битвы при Брейтенфельде и Лютцене, Фербеллине, Полтаве и Гангуте остаются важными историческими вехами в прошлом русского и немецкого народов. Швеция XVII в.— это держава, господствовавшая на Балтийском море и владевшая подавляющей частью его берегов или контролировавшая их. «Шведский период» в истории народов Советской Прибалтики пользуется пристальным вниманием наших ученых, уже немало сделавших для разоблачения заморских захватчиков и, в частности, легенды о «золотом времени» шведского

господства в Прибалтике⁶. Со своей стороны, реакционная шведская и финская историография, выводы которой повторяются западноевропейскими и американскими реакционными историками, продолжает прославлять шведское завоевание как якобы благодетельное для народов Прибалтики и Северной Германии⁷. Одним из «доказательств» этой «благотворности» служит указание на «гармонию» отношений между помещиками и крестьянами в самой Швеции, на мнимое «единение» шведских королей с крестьянством.

Выяснение подлинного лица господствующего класса Швеции того времени — феодального дворянства, — его хозяйственной деятельности, его отношения к крестьянству должно способствовать правильной научной оценке шведской балтийской империи XVII в. и ее роли в жизни подвластных ей народов.

★

Важными источниками для изучения дворянского хозяйства Швеции XVII в. могут служить документы поместной отчетности, переписка шведских магнатов друг с другом и с управляющими имениями, постановления и законодательные акты, протоколы судебных и правительственных учреждений (государственного совета), а также дворянского чина риксдага, наконец, агрономические и юридические трактаты современников, путевые заметки иностранцев. Они и использованы нами в настоящем сообщении.

Разработка аграрной истории Швеции началась в основном только после первой мировой войны. Шведская научная литература по интересующей нас тематике довольно обширна и все время пополняется. Литература эта ценна главным образом фактическим и особенно статистическим материалом из архивов, проливающим свет на аграрное и социальное развитие позднесредневековой Швеции. Таковы исследования И. А. Альквиста о составе и территориальном размещении дворянского землевладения XVII в.; Х. Свенне — об экономических привилегиях дворянства; А. Монтгомери — по истории рабочего законодатель-

⁶ См. Я. Я. Зутис. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига. 1946. «История Латвийской ССР». Рига. 1952. «История Эстонской ССР». Таллин. 1952.

⁷ Таковы, например, книги E. Ноггбогг. Sveriges historia. Stockholm. 1940, особенно стр. 191—192, 213, 420; его же. Finlands historia från äldsta tid till våra dagar. Malmö. 1948.

ства XVII в., покойного Э. Ф. Хекшера — по вопросу о так называемой редукции (— возвращении дворянских земель в казну (в его известной и заслуживающей специального рассмотрения «Экономической истории Швеции со времен Густава Вазы»); Ф. Эльескуга — об особой группе сельского населения Швеции — торпарях; Э. Бренмана — о покупке казенных земель дворянством при Густаве Адольфе и др.⁸

Шведские специалисты до сих пор не поставили важнейших проблем перехода Швеции от феодализма к капитализму и, в частности, интересующей нас в данной статье проблемы приспособления феодально-помещичьего хозяйства к изменениям в области производительных сил и производственных отношений не только в более передовых странах Западной Европы, но и в самой Швеции.

Кроме того, ряд вопросов шведской аграрной истории XVII в. намеренно искажается. Большинство буржуазных авторов более всего обеспокоено тем, как бы «не обидеть» господствующий класс того времени — шведское дворянство. Стремление во что бы то ни стало «сгладить углы» острой классовой борьбы в деревне XVII в., расточая при этом комплименты по адресу монархов и аристократов — жестоких грабителей крестьянства, — пронизывает и такие во многом содержательные работы, как «Правительство и крестьянство в годы регентства при Кристине» Г. Виттрока и «Крестьянин в истории Швеции» Э. Ингера⁹. Особенно усердно буржуазные историки, шведские и нешведские, идеализируют аграрную политику королей и такое их мероприятие, как редукция — возвращение короне ранее полученных или присвоенных дворянством земель. Между тем, редукция, служа фискальным интересам дворянского государства, принципиально не нарушала, во всяком случае в самой Швеции, экономических

интересов дворянства как класса, его чиновно-офицерского мелкопоместного большинства. И даже феодальная аристократия, как показал в свое время Э. Ф. Хекшер, вовсе не была разорена редукцией.

В Швеции феодальная формация сменила первобытно-общинную, минуя рабовладельческую (хотя рабство как уклад и существовало). Новая формация не могла возникнуть здесь из синтеза феодальных элементов разлагавшегося родового строя древних германцев и позднеримских помещичьих отношений и политических институтов, поскольку Швеция не знала римского владычества. В отличие от многих других стран развитие феодализма здесь не было ускорено чужеземным завоеванием¹⁰. Отсюда относительно замедленное его развитие, позднее сохранение рабства как уклада, длительное существование патриархально-родовых пережитков, общинной собственности. Природные условия Скандинавии — обилие гор и лесов, моренный ландшафт, короткое лето — не благоприятствовали образованию феодальных поместий с крупной господской запашкой. В средневековой Швеции почти повсеместно была распространена рента продуктами. Это обусловило отсутствие личной крепостной зависимости и сравнительную слабость других феодальных институтов. Внеэкономическое принуждение для основной массы крестьян выразилось в их сословной неполноправности¹¹. Крестьяне должны были уплачивать подати королю, а также нести повинности не только в пользу помещика, но и в пользу короля и дворянства в целом.

Феодально-дворянское землевладение в середине XVII в. ко времени своего наибольшего территориального распространения охватывало около двух третей всей земли в стране, учтенной писцовыми книгами (jordböcker). В земледельческих и скотоводческо-земледельческих плотно населенных районах востока и юга Швеции удельный вес его был еще выше. На севере же страны и в горах феодальных поместий было ничтожно мало. Как и везде, размеры землевладения у отдельных дворян были крайне различны. Крупнейшее в Швеции

⁸ J. A. Almqvist. Frälsegodsen i Sverige under storhetstiden I—III. 1931—1947; H. Swenne. Svenska adelns ekonomiska privilegier 1612—1651. 1933; A. Montgomery. Tjänstehjónsstadgan och äldre svensk arbetarpolitik. «Historisk tidskrift». Н. 3. Stockholm. 1933; E. F. Heckscher. Sveriges ekonomiska historia från Gustav Vasa, d. I, b. 2. 1936; V. Elgeskog. Svensk torpbebyggelse från 1500-talet till lagaskiftet, 1945; E. Brännman. Frälseköpen under Gustav II Adolfs regering. 1950.

⁹ G. Wittrock. Regering och allmoge under Kristinas förmyndare. 1948; E. Inggers. Bonden i svensk historia. I—II. 1943—48.

¹⁰ О роли «военной организации варварских войск во время самого завоевания» для возникновения феодализма см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 64.

¹¹ Известно, что сословная неполноправность также является одной из форм внеэкономического принуждения. См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 159.

графство Визингсборг, принадлежавшее графам Браге, к 1632 г. охватывало 747½ хемманов, то есть полных крестьянских паделов. Наряду с этим имелось множество мелких дворян, владевших лишь несколькими, от одного до четырех, хемманами. Дворянские усадьбы, где жили сами владельцы или их управляющие — фохты, именовались в Швеции сестериями. Феодалная знать имела в XVII в. по несколько таких сестерий. К такой знати относились графы Оксеншерпа, Делягарди, Браге. Довольно крупный землевладелец барон Ш. Росенхане, автор трактата о сельском хозяйстве, имел в одной только Швеции 8 сестерий; примерно столько же было у графини Эббы Лейонхувуд, как видно из ее переписки, сохранившейся в архиве Делягарди Тартуского государственного университета. Сестерии были полностью освобождены от королевских податей и повинностей, поэтому дворяне были заинтересованы иметь возможно большее число таких сестерий. Однако в действительности далеко не всякая сестерия была имением в полном смысле этого слова. По своему размеру большинство сестерий-имений мало отличалось от полноценного крестьянского хозяйства данной местности. Это явление отразилось и в языке XVII века. Дворянские усадьбы и крестьянские дворы сплошь и рядом именуется одинаково — «gård», а барин-хозяин и мужик-хозяин — «husbonde». Для областей наибольшего распространения имений — Упланда и Седерманланда (Восточная Швеция к северу и к югу от Стокгольма) — Росенхане определяет размер среднего имения всего лишь в 30 га пашни и 200 возов сева с плугов¹². Но, конечно, были сестерии и более крупные. Еще в XVI в. среднее королевское имение должно было иметь не менее 100—200 га пашни, 100 коров и 20—30 волов¹³.

Земли имений терялись в массе крестьянских хозяйств, держательских и владельческих. Дворянские земли были раздроблены и разбросаны не только в пределах нескольких приходо-уездов, но и по разным

областям. Так, судя по описи из архива Делягарди, владения графа Иогана Оксеншерпа в 1645 г. были раскинуты по 14 приходо-уездам и 110 деревням или поселкам трех областей — Седерманланда, Упланда и Эстеретланда. Только в 3 деревнях графу принадлежало по 4—5 хемманов (полных паделов). В огромном большинстве случаев он владел лишь 1, ½ или ¼ хеммана в данной деревне¹⁴.

В таких условиях имение прежде всего являлось резиденцией помещика и его семьи во всяком случае, летом, а также приемно-контрольным и складочным пунктом для натуральных поступлений с крестьян. Этот тип дворянских имений, вполне покрываемый немецким термином «Grundherrschaft», был унаследован еще от времен глубокого средневековья. Сплошь и рядом сестерии такого типа не выделялись из распорядков сельской общины¹⁵. Напротив, у дворянских писателей-агрономов второй половины XVII в. Росенхане и Роламба образцовое имение типа Gutsherrschaft уже мыслилось независимым от полевых распорядков соседних крестьянских общин¹⁶.

Ведущей отраслью дворянского хозяйства в Швеции XVII в., как и на востоке Европы, было земледелие. Росенхане писал: «Земледелие — это главное, на чем стоит дом, его содержание и пропитание. Поэтому помещичий фохт должен знать толк прежде всего именно в этом...»¹⁷. Вместе с тем в западных и некоторых южных районах страны не менее, а подчас и более важное значение имело скотоводство; недаром сами имения в Швеции XVI—XVII вв. часто именовались «avelsgård», что означает скотный двор.

¹⁴ Архив Делягарди (в дальнейшем А. Д.), т. «С», лл. 132—133. Rotheringh uppå denn Högh wälborne Herren Herr Johann Oxenstierna Axelssons bönder under Hörningsholm och Tüllegarn.

¹⁵ В 1635 г., на совещании губернаторов в камер-коллегии, говорилось о некоторых сестериях, возделываемых крестьянами: под видом сестерий часть дворян освобождала свои владения от каких бы то ни было податей в казну. При обсуждении замечено было, что это допустимо лишь в том случае, если сестерии старые и потому включенные в систему земельных конов «om sättherien woro gamla och i lottläggningarne derföre införde» (Kammarkollegiets protokoll. I, s. 5).

¹⁶ С руководством по сельскому хозяйству Роламба (Å. Rålamb. Adelig öfning. 1694) мы знакомы преимущественно в изложении Е.HECKSCHER. Sveriges ekonomiska historia. I, b. 2, s. 328—329.

¹⁷ S. Rosenhane. Указ. соч., стр. 24, 53.

¹² Трактат Росенхане написан в начале 50-х годов XVII в., но опубликован впервые лишь в наше время: S. Rosenhane. Oeconomia. 1944, s. 8. Росенхане говорит о 20 туннах посева. Тунна высевалась на 1½ тунланда, а тунланд был несколько меньше ½ га; при двухполье же, господствовавшем в названных областях, распахивалась половина всей пашни.

¹³ P. Nyström. Avelsgårdsprojektet 1555—56. «Scandia», b. 9, 1936, s. 241.

Несомненно, господское хозяйство имело большие возможности для развития производительных сил, чем подавленный сеньеральный и податный гнетом крестьянин. Многие десятки сельскохозяйственных орудий, перечисляемых Росенхане, начиная с плугов колесных и бесколесных, под силу было иметь лишь богатому хозяину. Однако владельцы имений, повидимому, не шли дальше применения трехпольного севооборота. Знаменательно, что руководство для шведских помещиков — «Оесопотиа» графа П. Браге Старшего, — написанное в конце XVI в., было впервые издано в 1677 г.¹⁸ Почти сто лет спустя в нем продолжали видеть свод практической мудрости сельского хозяйства! Хотя Росенхане и был знаком с искусственным травосеянием и обмолотом хлебов какими-то «машинами», обычные в тогдашней Швеции двухполье и подсеное земледелие отнюдь не вызвали у него осуждения. Наоборот, он с гордостью выводил древнее название своей страны из слова «подсека» — «Svearike» из «svedjande».

Дворянская публицистика XVII в., возражая против требования податных сословий о возврате части дворянских земель в казну, не скупясь расписывала успехи помещичьей агрикультуры. Тот же Росенхане в своем памфлете 1650 г. «Беседа юнкера Пера» утверждал, что в сотнях новых сестерий возведены не только красивые дома, но и сады (непривычные для Швеции), пруды для разведения рыбы, вырыты каналы (для осушения), расчищены луга и леса, устроены водяные мельницы. Но даже этот яркий идеолог помещиков не ставил им в заслугу усовершенствование их собственного зернового хозяйства.

Особенность шведского дворянского производства заключалась в том, что оно не ограничивалось областью сельского хозяйства. Советуя сельскому хозяину всемерно заботиться об улучшении своего хозяйства, развивать коневодство, овцеводство, Росенхане рекомендует также организацию железодельного производства, варки смолы и дегтя, устройство рудников, заготовку досок, строевого леса и проч. Хотя участие дворянства в металлургическом производстве часто ограничивалось сдачей в аренду горожанину участка земли под рудник или завод, шведский помещик был хорошо знаком и связан с этой отраслью промышленности. Многочисленные письма, контракты и

счета в архиве Делягарди за 30—40-е годы XVII в. пестрят специальной металлургической терминологией. Графиня Лейонхувуд, например, предпринимала на своей земле в области Седерманланд поиски железной руды, рассчитывая на обильную ренту с будущего рудника при сдаче его в аренду¹⁹. В имениях нередко имелись и водяные лесопилни. Неоднократные протесты дворянских депутатов риксдага против дегтярной монополии указывали также на их заинтересованность в торговле дегтем собственного производства.

Торговые и денежные операции занимали в жизни шведских дворян XVII в. важное место, несоразмерное на первый взгляд с ограниченными масштабами собственно помещичьего производства. В прошениях, жалобах, выступлениях и заявлениях дворянского чина в риксдаг за 20—60-е годы рассматриваемого столетия значительное, если не преобладающее, место занимали вопросы коммерции.

Основным источником коммерческих операций дворянства служили натуральные поступления от феодально-зависимых крестьян. Во всяком случае, такой важный предмет дворянской торговли первой половины XVII в., как зерно, поступал преимущественно в виде оброка. Такое происхождение товарного дворянского хлеба засвидетельствовано первым пунктом жалоб этого сословия на риксдаге 1631 г.: «Во-первых, хлеб — единственное, что дворянин в этом государстве может собрать (att upbähga), — запрещено вывозить, так что у них (дворян. — А. К.) нет ничего, чем бы они могли покрыть скудость своего хозяйства, и они, напротив, должны терпеть из-за этого запрета (вызванного неурожаем. — А. К.) насилие и убыток». На риксдаге 1632 г. в пункте 7 дворянского ходатайства говорилось: «Нам также не разрешают во многих местах, особенно в порубежных, продавать и свободно торговать с иностранцами хлебом или другими нашими доходами и оброками, собираемыми нами с крестьян...»²⁰.

Из судебных книг области Упланд видно, что крестьяне возили оброчное зерно на продажу в столицу или другие города, под-

¹⁹ АД, т. «С», лл. 19, 104, 106, 165 и др. Интересные сведения о предпринимательской деятельности графа Якова Делягарди, «героя» шведской интервенции в России, содержит работа Е. Grill, Jacob de la Gardie, Affärsman och politikern, 1949.

²⁰ «Sveriges ridderskaps och adels riksdagsprotokoll», I, s. 178, 223.

¹⁸ P. M. Hebbe. Den svenska lantbruks litteraturen, I, 1939, s. IX.

час на зафрахтованных дворянином судах. Каждый, замечает Росенхане, спешит с молотью, чтобы рассчитать, сколько пойдет на продажу и сколько на потребление. Об интенсивной торговле хлебом крупных помещиков свидетельствуют материалы архива Делягарди и переписка канцлера Оксеншерна. Торговля хлебом была рассчитана в значительной мере на экспорт. Если во-время не запретить вывоз зерна, писал в апреле 1618 г. канцлеру его брат, то всё имеющееся в стране зерно будет вывезено и наступит дороговизна. Стремление как можно выгоднее продать за границу хлеб и другие товары приводило шведских дворян к частым столкновениям с бюргерством, к жалобам дворян на коммерческую активность бюргеров, на конкуренцию с их стороны²¹. В свою очередь, и податные сословия, сетуя на конкуренцию помещиков, имели в виду прежде всего их торговлю хлебом. В знаменитой петиции трех податных сословий — духовенства, горожан и крестьян — на риксдаге 1650 г. указывалось, что королева не шла навстречу сословиям и не запрещала экспорт хлеба из голодавшей страны, опасаясь причинить ущерб «тем добрым господам, чей доход основан на хлеботорговле»²².

Именно период наибольшего расширения дворянского землевладения и дворянских привилегий — первая половина XVII в., «золотой век» шведского дворянства, — был временем наибольшего вывоза хлеба за всю историю Швеции. Революция цен началась здесь еще во второй половине XVI в., но главный ее этап в отличие от большинства других западноевропейских стран пришелся на первые десятилетия XVII века²³.

Двумя другими основными предметами дворянской торговли были скот и железо. Об этом свидетельствует переписка помещицы графини Эббы Лейонхувуд. В письме 1645 г. приказчику (фактору) своего зятя Ингемару Персону она просила подыскать в Стокгольме слесарей и кузнецов для покупки у нее «доброе и тонкое» полосового железа. Она бралась доставить его в Стокгольм в количестве около 20 шиффунтов. Некто Йоган Галлен в письме от 16 июня 1644 г. из

Штральзунда сообщал графине, что по просьбе ее штральзундского «шкипера» он, Галлен, выдал свидетельство о благополучной доставке в Штральзунд из Швеции 32 волов, принадлежавших графине. Волов принял слуга «господина легата», то есть Йогана Оксеншерна, шведского посла на вестфальских мирных переговорах. Слуга погнал волов в Штеттин. 9 марта 1645 г. графиня требовала от Персона прислать к ней специальных мясоторговцев для покупки у нее откормленных волов. Из архивных же материалов видно, что управляющий графа Якова Делягарди торговал металлоизделиями графского производства. В петиции 1650 г. податные сословия жаловались на то, что дворяне заставляют крестьян продавать им продукты, которые те собирались везти в город, причем по низким ценам, навязанным самими помещиками. При этом имелся в виду, в частности, крестьянский скот. На риксдаге 1652 г. ландмаршал (глава дворянского чина) восклицал в ходе споров о пошлинах: «Если у нас есть хлеб, железо и т. д., но нет купцов, то какой в этом прок!»²⁴.

Несмотря на то, что для дворянства первостепенную роль, повидимому, играла торговля продуктами сельского хозяйства, в общем объеме шведского вывоза с каждым десятилетием все более увеличивалась доля вывозимых металлов — меди и железа. По подсчетам Хекшера²⁵, удельный вес продуктов земледелия и скотоводства, шедших на экспорт, за период 1590—1661 гг. снизился (по стоимости) с 34,8 до 1,8%. Мы не знаем, какова была доля участия дворян в металлоторговле, но можно полагать, что она не была ничтожной, ибо железо составляло одну из основных частей феодальной ренты, дворянам принадлежало немало рудников и заводов, знатные сановники являлись крупными пайщиками монопольной компании по продаже меди; вопросы металлопромышленности и металлоторговли неизменно волновали дворянских депутатов риксдага. В Швеции издавна существовало «горное дворянство» — слой привилегированных горнопромышленников. В конце XVII в. Швеция стала крупнейшим экспортером железа в Европе и перестала вывозить хлеб, начался регулярный ввоз его из Прибалтики.

²¹ Vendels sockens dombok 1615—1645, 1925, s. 93, 142. АД, т. «С», I, 272; Rikskansleren Axel Oxenstiernas skrifter och bref-vexling, II, d. 3, s. 26, а также s. 223; d. 5, s. 487; d. 8, s. 224; Svenska riksdagsakter från 1611, I, s. 145, 272—273.

²² Loenbom (издатель). Handlingar till Konung Carl XI-tes historia, d. 10, s. 89.

²³ E. Heckscher. Указ. соч., d. 1, в. 1, s. 222—226.

²⁴ АД, т. «С», лл. 3, 4, 7, 34, 46, 106. О. в. Ф. рецензия на «Sveriges ridderskaps och adels riksdagsprotokoll», V. «Historiskt bibliotek», I, 1877, s. XLV.

²⁵ E. Heckscher. Указ. соч., d. 1, в. 1, приложение. V, 2.

После сказанного не удивительно, что в переписке шведских дворян уже в первой половине века мы находим отнюдь не средневековую финансовую терминологию. В бумагах архива Делягарди неоднократно встречаются слова «капитал», «залог», «банк», «квитанция», «вексель», «проценты», «облигация», «ассигнация», «контракт», «дебет», «кредит». Все это слова иностранного происхождения, и среди общего готического текста они пишутся латинскими буквами, что указывает на их новизну для корреспондентов. В постановлениях о таможенных пошлинах первой половины XVII в. перечислены разнообразнейшие предметы роскоши. Знать постоянно заказывала себе различные товары в Нидерландах. Шведский резидент в Нидерландах в 1647 г. дважды писал графу Делягарди о прибытии для него очередной партии грузов в датский порт Гельсингер. Графиня Эбба Лейонхувуд, как видно из ее переписки, покупала парусину и полотно, бархат и кружева, стекло, бумагу и газеты, корабельный свинец, мед и воск, лошадей и волов, горох и рис, крабов и рыбу, известь и кирпич, краску и строительный камень²⁶. Масштабы беспошлинного ввоза дворянами товаров из Лифляндии волновали правительство. Дворяне не раз вступали в столкновения с городскими купцами и ремесленниками не только как продавцы, но и как покупатели, протестуя против дороговизны промышленных и привозных товаров. Помещики были тесно связаны с городами, особенно портовыми, такими, как Стокгольм, Гетеборг, Або. Поэтому Росенхане и считал близость крупного города одним из условий доходности имения.

Тесная связь с рынком несколько не исключала потребительских, натурально-хозяйственных основ дворянского имения. Наличие такой основы даже помещику-предприимчивому Росенхане представлялось делом естественным и похвальным: образцовый хозяин должен довольствоваться тем питанием, которое предлагает ему собственное хозяйство, и «всегда стараться иметь что-либо для продажи, но не для покупки». Одновременно он ставил своим собратям в пример дворян Германии и Польши, где во многих местах главный доход дворянин получал со своего имения, с крестьян же не брал «ничего, кроме рабо-

ты»²⁷. Иными словами, товарность шведского имения и предприимчивость шведских помещиков представлялись Росенхане меньшими, чем в странах классического второго закрепощения.

По уровню благосостояния шведские помещики XVII века «догоняли» своих более богатых западноевропейских собратьев. Бедность средневековых шведских дворян служила предметом насмешек в соседних странах: царь Иван IV в письмах иронически называл короля Густава Вазу «погонщиком волов» и «сыном водовоза». И хотя с последних десятилетий XVI в. в питании и быте знати произошли существенные изменения, иностранцам еще в XVII в. бросалась в глаза скромность, если не убогость этого быта. Так, французскому дипломату д'Ожье в 30-х годах сельский дом графа Делягарди, одного из крупнейших шведских магнатов, показался не лучше жилища какого-нибудь купца или ремесленника парижских предместий²⁸. Два десятилетия позже английский посол Уайтлок отмечал, что усадьбы небогатых «джентльменов» у озера Меларн мало чем отличались от крестьянских дворов: это деревянные двухэтажные строения с каменным фундаментом, крышей, укрытой дерном, и... козами, пасущимися на этой крыше. Но тот же Уайтлок застал и иную картину. Во время своего путешествия, не доезжая Упсалы, он был приглашен в богатое имение, самое красивое из всех, виденных им на пути из Гетеборга. Каменный дом был высок и просторен, крыт медью, что, по словам посла, говорило о прибыльной службе владельца в горном ведомстве. Комнаты имели множество окон, каменные и кирпичные полы²⁹. Такого же типа была, вероятно, и усадьба графини Лейонхувуд, постоянно нанимавшей плотников и каменщиков, слесарей и стекольщиков. Большинство шведских городских замков и дворцов в стиле барокко было построено именно в XVII веке.

Нечего и говорить, что одним из главных способов обогащения для шведского дворянства служило беззастенчивое ограбление соседних стран. Пресловутая «бедность» шведских помещиков создавала особенно благоприятную почву для выращивания

²⁷ A. Rosénhane. Указ. соч., стр. 9, 10.

²⁸ Caroli Ogerii ephemerides... 1656, p. 228—229, 173. Впрочем, тот же дневник неспроста восторженными описаниями шведских рудников и заводов.

²⁹ B. Whitelocke. Journal of Swedish Embassy. V. I. 1855, p. 192—194.

²⁶ АД, т. «С», лл. 319, 324, 3, 23, 42, 29, 35, 61, 28, 41, 40, 63—64, 81. См. также бумаги папки № 4.

агрессивных устремлений «каролинских» авантюристов.

Феодальный класс располагал уже немалыми денежными суммами. В этом нас убеждают 616 тыс. риксдалеров, уплаченных дворянами, покупателями земель у казны, только за 1622—1632 гг., большей частью наличными; наличие среди дворянства в середине XVII в. 22 семей с ежегодным поземельным доходом более 9 тыс. далеров серебром; распределение среди знати паев создававшихся в то время монопольных компаний. Шведские дворяне конца XVII в. были крупнейшими вкладчиками стокгольмского Банка сословий, сумма вкладов которого достигала к 90-м годам почти полмиллиона сумм вкладов банка амстердамского³⁰.

Итак, феодальное имение в Швеции в XVII в. было уже глубоко втянуто в товарно-денежные отношения, более того, это было хозяйство в известной мере предпринимательское, работавшее на сбыт. Но предпринимательскими, хотя и в неодинаковой степени, были в XVII в. и плантаторские хозяйства Вест-Индии, и крепостнические хозяйства Дании, Пруссии, Прибалтики, и капиталистические хозяйства английских джентри. Товарное производство более или менее крупного масштаба возможно в условиях самых различных способов производства, а в условиях феодализма — при всех видах феодальной ренты³¹. Каков же

³⁰ Вот отрывок из письма канцлера Оксеншерна к сыну Йогану в Германию, от 19 июня 1647 г.: «Мы здесь задумали создать корабельную компанию и завести в этом королевстве свое судостроение, уже начавшееся осенью и энергично ведущееся сейчас. Мы разделили (капитал) на 64 части. У меня 4 доли, у моей дочери, а твоей сестры Карин — 2 доли. Я велел твоему приказчику Ингемару (Персону, корреспонденту графини Лейохувуд.— А. К.) взять от твоего имени две доли. Если тебя это устраивает, хорошо. Если же у тебя есть возражения, я легко помешу их у кого-либо другого» (Giörwell (editor). *Bref från greve Ax. Oxenstierna till greve Johan Oxenstierna*. II, s. 402).

³¹ Вряд ли можно отрицать, как это делает Ф. Полянский («О товарном производстве в условиях феодализма». «Вопросы истории», 1953, № 1, стр. 48) за феодальным поместьем, торгующим хлебом, характер товарного производства на том основании, что «оно опиралось на барщинную эксплуатацию крестьян или на их оброчные платежи». Для того, чтобы стать товаром, продукт должен быть передан посредством обмена в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости. Товар без

был характер эксплуатации в шведском имении интересующего нас времени?

В источниках весьма распространено выражение «сетерия и ее (или примыкающие к ней) крестьяне-барщинники» (*dagsverksbönder, säteribönder*). «Крестьяне под сетерией», «крестьяне при имении» встречаются и в дворянских привилегиях, и в протоколах дворянского чина риксдага, и в переписке А. Оксеншерна. Эти помещичьи держатели несли преимущественно отработочную ренту и жили поблизости от имения — не дальше так называемой «заповедной милии» (около 11 км), что освобождало их от всех или почти всех податей и повинностей в пользу казны. Но большинство помещичьих крестьян не несло такой еженедельной барщины, отрабатывая лишь примерно по 20—30 дней в году, в значительной мере извозом, что и следовало ожидать при господстве натуральной ренты. В глазах Росенхане барщинные повинности помещичьих крестьян были обычной принадлежностью имения. Он рассуждал так: у крестьян есть женщины, которые без всяких затрат со стороны господина могут трепать и мять лен, прясть из него пряжу и т. п. Росенхане советовал фогту завести специальную записную книжку и отмечать в ней зимние перевозки крестьян, а также число отработанных ими дней и характер проделанной работы. Далее, он рекомендовал фогту присутствовать при выполнении крестьянами хозяйственных заданий, расставлять их на работу и следить за ее исправным выполнением, отмечая, что выполняется в каждый из дней недели. Целесообразно также делать зарубки на особой палке для учета труда каждого крестьянина. Росенхане предполагал регулярный созыв фогтом сходок крестьян-держателей для выяснения их повинностей и оброков; он рекомендовал также помещику фогту иметь наготове кандалы и наручники, держать при себе ключи и замки от карцеров и домашних тюрем³².

Здесь следует напомнить, что до XVII в. барщина занимала весьма незначительное место в феодальной ренте массы шведских крестьян. Тенденция к увеличению барщинных повинностей, обнаружившаяся в позднее средневековье, — это явно та же тенденция, которая в остальных балтийских стра-

товарного производства — это, с нашей точки зрения, случай примитивной разбойничьей торговли, имеющей второстепенное значение при феодализме.

³² S. Rosenhane. Указ. соч., стр. 29 и др.

нах приводит ко второму закреплению крестьян. В первой половине XVII в., когда в зависимость к помещикам попала масса податных и коронных крестьян, увеличение барщины явилось главной формой усиления феодальной эксплуатации. Поэтому принятая правительством в 1651—1652 гг. фиксация барщинных повинностей, во многих других странах позднее (в XVIII в.) означавшая некоторое ограничение помещичьего гнета, в Швеции, где большинство крестьян впало в зависимость от помещиков лишь на исходе средневековья, напротив, узаконивала усиление или даже начало барщинной эксплуатации для значительной части крестьянства.

Нельзя представить себе шведское дворянское имение середины XVII в. и без использования наемного труда. В дворянских имениях и усадьбах имеется больше всего слуг и работников, говорилось в «Дворцовом уставе» (Gårdsrätt) 1671 года. Первое в истории Швеции специальное постановление 1664 г. о наемных работниках было принято по требованию прежде всего именно дворянства. Росенхане перечисляет среди наемных работников поместья лиц следующих профессий: садовников, хмелеводов, кузнецов, столяров, конюхов, корчевальщиков, землекопов, плотников и «прочий подобный рабочий люд». В другом месте он называет писаря и счетовода. В его трактате постоянно встречаются упоминания о «парнях» и «девках» без указания рода их занятий. В публикации Визельгрена мы находим список «дворового люда», состоявшего на жаловании, очевидно, денежном, у графа Делягарди в 1639 году. Сюда относятся гофмейстер, сборщик податей, надзиратели, домашний проповедник, наставники-репетиторы, комнатные слуги, кастелян, камердир, писцы, слуга-виночерпий, кладовщик, пекари, садовник, лацен, гостиные слуги, стрелки. Отдельно перечислены работники, получавшие от господина натуральное содержание, «statfolk»: седельщик, колесный мастер, кучера и берейторы, конюхи, кузнецы. На риксдаге 1640 г. дворянское сословие просило освободить от рекрутчины следующих своих работников и служащих: портных, сапожников, землекопов, дровосеков, мельников, кирпичников, стрелков, рыбаков, садовников, хмелеводов, оружейников, плотников³³.

Изданные тома «Актв риксдага» и «Протоколов риксрода» содержат множество высказываний и упоминаний о работниках и слугах.

Почти в каждом письме графини Лейонхувуд к Персону говорилось о заказах и расчетах с ремесленниками и мастеровыми. Так, в письме от 26 июня 1645 г. она просила ускорить присылку денег для расчета с разными служащими; 16 октября того же года она выражала недовольство работой лаявшегося к ней столяра: если он не станет работать быстрее, она найдет другого. Из письма видно, что оплата столяра производилась деньгами и натурой. В письмах от 17 и 25 января 1646 г. мы узнаем о намерении графини заключить контракт на постройку паромы; от 8 февраля, — что ей весьма часто приходится иметь дело с заочными мастеровыми, в данном случае с плотниками. Стекольщик, каменщик, медник, слесарь — таковы передние контрагенты графини, как видно по счетам, высланным ею Персону в 1646 г., и по письму от 12 июня 1647 года. Кстати сказать, счета лишний раз свидетельствуют о том, что мастера работали с полученным от самой графини железом в полосах и слитках. Часть ремесленников приближалась к рабочим-артельщикам. Таковы плотники и каменщики. Иногда это просто крестьянская молодежь, вышедшая на заработки и готовая взяться за любую работу. 24 мая 1645 г. графиня ссылалась на сообщение Персона о том, что у него находится 10 далекарлийцев (Далекарлия — область в Швеции), предлагающих свои услуги для рубки леса или чего-либо иного. Ни графине, ни управляющему именем ее зятя лесорубы в то время не были нужны. Но графине предстояло рыть пруд для карасей. Если эти люди согласны на такую работу, говорилось в письме, то пусть Персон пришлет их к ней. Кроме того, в письме говорилось, что есть работа и в другом имении графини — Экебюхоф, — но там ее можно начать лишь в присутствии самой графини. Она предлагала далекарлийцам пока работать у нее по рытью пруда, а затем обещала заключить с ними новый договор³⁴.

В хранящихся в архиве Делягарди письмах графини Лейонхувуд, Иогана Оксеншерна и его отца, канцлера Оксеншерна, к

«Sveriges ridderskaps och adels riksdagsprotokoll», III, с. 25.

³³ A. Stiernman. Samling utaf kongliga bref... III. 1753, с. 852; S. Rosenhanе. Указ. соч., стр. 24, 28; Vieselgren (издатель) Delagardiska архивет, d. 6, s. 133—134;

³⁴ АД, т. «С», лл. 57, 66, 68, 69, 74, 81, 84. Также папка № 4, письмо от 24 мая 1645 г., т. «С», л. 54.

Персону почти не упоминаются сельскохозяйственные рабочие. Это не удивительно, поскольку их корреспондент, будучи коммерческим агентом, фактором, этой стороной дела не занимался: на то были помещные фогты³⁵. В трактате Росенхане, написанном в начале 60-х годов XVII в., о наемной рабочей силе говорится гораздо больше, чем о любой другой: среди условий, необходимых для заведения своего хозяйства, названы верный и осторожный фогт, хорошие работники, ключница и женская прислуга, кони, скот, инвентарь — не названы лишь крестьяне-барщинники. Сочетание «хозяин и работник» встречается у него много чаще, чем «хозяин (барин) и крестьяне». Например, «плохо, когда дворянин позволяет себя учить фогту или работникам». Росенхане рекомендует держать как можно меньше постоянных работников, только тех, которые уж совершенно необходимы для выполнения сельскохозяйственных работ. Для молотбы, корчевки, заготовки кирпича, а также для работ по саду, по строительству, по ремеслу он предлагает привлекать поденщиков или брать рабочих на сдельную оплату³⁶.

Положение наемных работников не только в усадьбах дворян, но и у зажиточных крестьян и горожан, в Швеции XVII в., как это свойственно эпохе первоначального накопления, было более тяжелым, чем положение хотя и феодально зависимого, но самостоятельно хозяйствующего крестьянина³⁷. В 30-х годах назрела (главным образом в дворянских кругах) настоятельная потребность в специальном уставе для наемных рабочих и слуг, что само по себе указывало на возросшее значение наемного труда и на стремление помещиков еще более закабалить наемных работников. Устав, который тогда так и не был принят, должен был содержать указания о максимальном жаловании работников, об их обязанностях и о пределах власти хозяев над ними. В 1664 г. отдельные постановления и действовавшая практика найма были впервые сведены в «Постановление о слугах и наемных работников»³⁸. Бедняк, неимущий, мог находиться

вне службы не более восьми определенных дней в году (после Михайлова дня — 29 сентября). Если за эти дни он не находил себе нового хозяина, его немедленно брали в армию³⁹. Если в течение восьми дней после заключения договора он не являлся на работу, наниматель имел право принудить его к этому силой. Никто не мог взять слугу, не удостоверившись, что тот отпущен прежним хозяином. Согласившись на определенное вознаграждение, работник уже не смел настаивать на его увеличении. «Нерадивый» работник мог быть наказан самим хозяином⁴⁰. До истечения срока найма, как правило, годичного (власти отрицательно относились к найму поденных и понедельных работников), работник не мог покинуть хозяина. Формально, впрочем, и последний не мог уволить работника. О желании уйти со службы работник должен был предупредить хозяина за два месяца до истечения срока найма, в противном случае ему приходилось оставаться у данного хозяина еще на год. Жалование должно было состоять из денег и платья или из продуктового эквивалента денежной суммы. Строго воспрещалось требовать оплаты труда землей, то есть предоставлением в пользование земельного участка. Это преследование старинной скандинавской практики хусменов-«жилцов» означало, в частности, дискриминацию крестьян-работодателей в интересах дворян. Последние же беспрепятственно сажали мелких держателей за отработки — торпарей (о них см. ниже) — на землю близ имения якобы в качестве своих служащих, не подлежавших ни взятию в армию, ни податному обложению казной.

В имениях дворян положение наемных работников было, конечно, более справедливым и зависимым от хозяев, чем в усадьбах крестьян и бюргеров. Даже буржуазный историк Монтгомери признает, что работники из дворян по своему положению приближались к крепостным⁴¹. Наиболее

protokoll», II, s. 201; Stiernman. Указ. соч., III, стр. 242. «Kongl. May-ts Stadga och råbudh om tienstefolck och legohjon».

³⁹ В городах слуги обоего пола при отсутствии у них работы должны были явиться в рабочий дом, где им предоставлялось занятие «за вознаграждение».

⁴⁰ В одной из судебных книг Упланда в 1638 г. имеется дело о смерти батрака от побоев хозяина. Lagläsaren Per Larssons dombok. 1937, s. 137.

⁴¹ См. А. Montgomery. Рецензия на книгу E. Heckscher. Sveriges ekonomiska historia. I. «Historisk tidskrift». N. 3, 1936, s. 334.

³⁵ Исключение составляют письма к Персону А. Оксеншерна от 20 марта 1644 г. и И. Оксеншерна от 13 апреля 1646 г. (АД, папка № 4).

³⁶ S. Rosenhane. Указ. соч., стр. 6, 22, 41, 52.

³⁷ Большой вопрос о составе, положении и расслоении шведского крестьянства не может быть освещен в рамках настоящей статьи.

³⁸ «Sveriges ridderskaps och adels riksdags-

резко это обнаруживается в «Дворцовом уставе» 1671 г. о слугах и работниках дворян⁴². Дворянин сам карал за кражи размером до 15 далеров. Он имел право применять следующие наказания: заключение в тюрьму сроком до месяца на хлеб и воду, наложение денежных штрафов для тех слуг и работников, которые получали плату деньгами, наконец, порку розгами. Юрисдикция барина получала в Уставе особое наименование явно немецкого происхождения — *gårdsfridh*.

Не без основания, повидимому, прогрессивный юрист XVII в. Шернхек считал нужным в своем сочинении о древнем праве шведов особо подчеркнуть отличие наемных слуг своего времени от рабов раннего средневековья (те и другие покрывались латинским словом *servi*). Шведский *tjänstevång* XVII в. не лишен сходства с прусским *Zwangsgesinde* — безусловной принудительной службой крестьянских подростков в доме помещика⁴³.

Промежуточное положение между крестьянами-барщинниками и наемным людом занимали мелкие держатели, арендаторы за отработки — поместные торпары, *säteritorpare*. Имея в виду русскую деревню после отмены крепостного права, Ленин писал, что термин «отработки» «более соответствует пореформенным отношениям»⁴⁴. В Швеции, где крепостная зависимость крестьянства отсутствовала, барщина и отработки имели одно наименование «*dagsverken*» и формально представляли одно и то же. Тем не менее фактическое различие между крестьянином, несшим барщинные повинности, и торпарем-отработчиком существовало уже и тогда⁴⁵. Особенно эта разница бросалась в глаза в Финляндии, где современники прямо упо-

добляли торпарей, трудившихся в имении чуть ли не ежедневно, усадебным батракам⁴⁶.

Прежде всего следует отметить, что барщинные повинности крестьян обычно представляли лишь часть, и притом меньшую, их феодальной ренты, отработки же торпаря были его главной обязанностью. Указание Эльескуга на преимущественно натурально-денежный характер платежей многих торпарей области Смоланд не показательно именно потому, что Смоланд — область лесная, моренная, с преобладанием скотоводства, для нее отнюдь не характерно сильно развитое господское хозяйство⁴⁷. Далее, крестьянин — это старожил или новый держатель старого, лишь временно запущенного двора, торпарь же — новосел или давний держатель помещика, но на вновь отведенном месте. Помещичий крестьянин, даже если он не имел владельческих прав на землю, все же чаще был привязан к ней потомственностью держания, традиционностью своих отношений с помещиком, своим местом в общине, чем торпарь⁴⁸. Наконец, самое содержание отработок торпаря отличается его от крестьянина, вышедшего на барщину со своим тяглом или со своим батраком, нередко ставившего батрака вместо себя. Отработки торпаря выполнялись им не на собственном его тягле и без помощи подсобной рабочей силы, даже не своим инвентарем. Тот же Эльескуг отмечает, что не только средства производства, но подчас и питание торпарь получал с барского двора⁴⁹.

Происхождение поместных торпарей могло быть различным. Среди них были и безземельные люди, согласившиеся на отработки взамен сдачи им участка пахотной, а то и одной луговой земли с правом пользования также и альмендой. Но это могли быть и недавние полнонадельные крестьяне, даже бывшие податные крестьяне-владельцы, которых помещик принудил продать свой надел или сонал с него. Множество подобных примеров приводит Альмквист. Так, из двух полных наделов возникало 6—8 торпов. Лагерстедт описывает сетерию в области

⁴² Stjernman. Указ. соч., III, стр. 852 и сл. *Gårdsrätt eller Husdisciplin, som efter Kongl. Maj:tz nådige tillåtelse af Ridderskabet och adelen wid theras gårdar och hushållningar brukas må.*

⁴³ См. Stiernhöök. *De jure sveonum ac gothorum vetusto*. Holmial. 1672, p. 201; «Освобождение крестьян на Западе и история поземельных отношений в Германии». Издание И. Водовозовой. М. 1897, стр. 101.

⁴⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 160. Примечание.

⁴⁵ Самый термин «торпарь» не нов. До XVII в. он употреблялся в смысле новосела на целине, на альменде, а также в смысле владельца или держателя мелкого, обычно четвертного надела. Это значение сохранилось и в изучаемый период, но было отнесено новым понятием «поместный торпарь», соответствовавшим рождению нового социального слоя.

⁴⁶ P. Törne. *Inverkningar av förläningsväsendet på jordbesittningsförhållandena före och efter reduktionen*. «Historisk tidskrift för Finland». 1916, H. 4, s. 224—225.

⁴⁷ См. V. Elgeskog. *Svensk torpbebyggelse från 1500-talet till laga skiftet*. 1945, s. 71—72.

⁴⁸ *Vendels sockens dombok 1615—1645*, s. 89. Törne. Указ. соч. H. 2, s. 97—98.

⁴⁹ V. Elgeskog. Указ. соч., стр. 68.

Седерманланд, в результате образования которой на месте 3-х крестьянских хемманов выросло 15 отработочных торпов⁵⁰. Подчас крестьяне шли на это, лишь бы избавиться от рекрутчины: торпари, как уже отмечалось, в числе слуг и работников дворянина считались «забронированными» (försvarsfolket), не подлежали призыву на военную службу.

Впоследствии, во второй половине XVIII и XIX вв., помещичьи торпари сблизились с сельским пролетариатом. Торпарями стали называться батраки с наделом. В XVII же веке они еще представляли особый слой крестьян-держателей. Депутаты податных сословий на риксдагах 1638, 1642, 1643, 1644, 1645 и других годов как раз уличали дворян в том, что те под видом «забронированного» контингента слуг и работников укрывали от рекрутчины своих крестьян, преувеличивая размеры как их занятости в барском хозяйстве, так и своего продовольственного пособия им⁵¹.

В XVII в. увеличился объем работы, выполняемой всеми видами рабочей силы, применявшейся в дворянском хозяйстве. Жалобы на увеличение барщинных повинностей особенно участились преимущественно в первой половине века. На протяжении всего века рос численный состав поместных торпарей. Наконец, в последние десятилетия XVII в., особенно вслед за редукцией, значительно увеличился удельный вес общего числа наемных работников. Прямых цифровых данных для решения вопроса о преобладании того или иного вида рабочей силы в шведском имении середины XVII в. у нас нет. Хекшер ограничивается указанием на то, что поля имения обрабатывались не только крестьянами-барщинниками. Весьма важным является мнение дворянского идеолога Росенхане, который считает невыгодной в условиях Швеции обработку имения только приусадебными крестьянами-барщинниками, «словно батраками» (под крестьянами он, вероятно, подразумевает и торпарей-отработчиков, о которых специально не говорит). Способ этот, по словам Росенхане, весьма распространенный в Ско-

не (датская провинция, с 1658 г. принадлежавшая Швеции) и Лифляндии, либо разоряет крестьян либо ведет к дурному и небрежному ведению хозяйства в имении⁵².

С другой стороны, число постоянных батраков, как работавших «за харчи», так и в особенности состоявших на жаловании, было невелико даже в крупных имениях. Например, в имении графов Делягарди Леккё их число в 1653—1659 гг. поднялось с 6 до 16 человек⁵³. Наемный труд в сельском хозяйстве широко применялся преимущественно на временных, сезонных работах, особенно на хлебоуборке, для участия в которой из Финляндии ежегодно прибывало большое количество крестьянской бедноты⁵⁴. Свенне приходит к выводу, что бедные дворяне, а таких было большинство, имели весьма ограниченные возможности для выгодного использования барщинного труда крестьян. Этот вывод согласуется с нашими представлениями об английской мелкой вотчине, основанными на исследованиях Е. А. Кошминского. Мы не можем поэтому согласиться с Хекшером в том, что помещики обращались к наемному труду, лишь поскольку им не хватало отработочных повинностей крестьян. Как видно, в частности, из прений в дворянском чине риксдага при обсуждении в 1652 г. постановления о барщине, дворяне довольно охотно шли на денежную коммутацию повинностей той части своих крестьян, которая проживала вдали от имений⁵⁵. Хотя наемный труд и не господствовал в шведском имении, во второй половине века он уже стал его обычной и неперменной принадлежностью. По мнению Росенхане, даже сдача имения в аренду не избавляла землевладельца, если он продолжал жить тут же, от необходимости держать своих батраков. Сдавая имение в аренду, помещик должен был иметь людей для заготовки дров, рыбной ловли и т. п.

⁵² E. Heckscher. Указ. соч., d. 1, v. 2, стр. 325; S. Rosenhane. Указ. соч., стр. 51.

⁵³ E. Heckscher. Указ. соч., d. 1, bil. III, 7.

⁵⁴ Svenska riksrådets protokoll, XVI, s. 240.

⁵⁵ О работе Svenne, отсутствующей в московских библиотеках, мы судим по изложению и ссылкам, в частности G. Wittrock. Regering och allmoge under Kristinas förmyndare. 1948, s. 442. См. также J. Söderberg. Utkottsmötet 1651 och riksdagen 1652, 1877, s. 53—54. См. также М. А. Барг. Эволюция феодального землевладения в Англии XI—XIII веков. «Вопросы истории». 1953, № 11, стр. 104—105.

⁵⁰ Ссылка на недоступного нам в оригинале Альмквиста. См. V. Elgesko g. Указ. соч., стр. 69; T. Lagerstedt. Hur bondebygd blev herrgård. Meddelanden från Uppsala universitetets geografiska institution. 1941, ser. A. N 28, s. 53—58.

⁵¹ См. пример торпаря 30-х годов XIX в. у С. Forssell. Statistik öfver Sverige 1833, s. 325—326; Svenska riksrådets protokoll, VII, s. 136; IX, s. 43; X, s. 303; XI, s. 14.

Как и следовало ожидать, вместе с ростом применения наемного труда и усилением связи с рынком в Швеции XVII в. получают распространение и новые формы аренды — зачатки капиталистической земельной ренты. Ведение хозяйства самим помещиком тот же Росенхане считал лучшим, но далеко не единственным способом извлечения доходов из земельной собственности. Таких способов он насчитывал несколько. Во-первых, можно было довольствоваться оброками со своих земель и не иметь никакого хозяйства; во-вторых, сдать оброки со своих земель в аренду, то есть на откуп, и получать их уже непосредственно в деньгах. Располагая имением-сетерией, можно было и ее сдать в аренду за деньги или исполу. Для Росенхане сдача имения в денежную аренду была уже привычным, спокойным способом получения дохода, хотя и имевшим ряд крупных недостатков. Более распространенной, судя по тому же источнику, была к началу 60-х годов сдача имения исполу. При ней собственник и арендатор доставляли каждый по половине нужного посевного материала. Затем арендатор обрабатывал поля своими людьми и средствами, сеял и жал, урожай же делился пополам прямо на поле или на гумне по жребью. Если же у дворянина при имении были свои крестьяне, то обычно он предоставлял их труд в размере нескольких рабочих дней в помощь арендатору, а за это оставлял для себя один тунланд пшеницы или овса, который, однако, арендатор должен был обрабатывать наравне с другими полями. Со скотом и сеном поступают по-разному, добавляет Росенхане. Иногда исполную аренду имения брали на себя сразу несколько крестьян⁵⁶.

Система издольного хозяйства, когда земельный собственник, кроме земли, доставляет часть капитала (например, скот), есть, как указывал Маркс, переходная форма к капиталистической земельной ренте⁵⁷. Росенхане, как мы видели, исходил из того, что арендатор сам эксплуатирует труд батраков. Он отмечал также, что арендатору необходимо было создать условия для получения «наущного хлеба и честной прибыли». Срок аренды он рекомендовал устанавливать покороце, на 1—3 года. Нередко такой крупной арендатор имения был одновременно и его управляющим: так было с Эриком Ларсоном у графа Якова Делягар-

ди в 40-х годах и Христером Персоном в имении Хернингсхольм у графа Иогана Оксеншерна до 1643 года. Эти арендаторы переписывались с землевладельцами и явно выделялись над массой крестьян-держателей: сам канцлер А. Оксеншерна в 1643 г. извещал сына о задержке Персоном причитающейся с него арендной платы⁵⁸. В Швеции мы находим социальные типы, близкие к английскому байлифу — первой форме капиталистического фермера — и французскому управляющему, ставшему, по выражению Маркса, дельцом⁵⁹.

Таким образом, в дворянском имении Швеции XVII в. зарождались и сталкивались две тенденции: к превращению в крепостническое хозяйство восточнобалтийского, юнкерского типа и к превращению в вольнонаемное хозяйство английского джентри. Аналогии «в обе стороны» уже делались буржуазными историками — Тёрне, Монтгомери, Хекшером, — но от них ускользнула противоположность объективного социального содержания обеих тенденций. В специфических условиях Швеции того времени ни та, ни другая восторжествовать не могли.

Шведские авторы, например Андерссон, работа которого издана у нас, ссылаются на исконные правовые традиции шведов, спасшие будто бы их крестьянство от закрепощения. Нас, естественно, такое объяснение удовлетворить не может. Следует учесть, что переход к крупному барщинному зерновому хозяйству, являющемуся обычной экономической предпосылкой второго закрепощения крестьян, затруднялся в Швеции природными условиями — рельефом, почвой. Разведение зерновых культур было здесь делом крайне трудоемким, и с ухудшением рыночной конъюнктуры в середине XVII в. интерес к нему у помещиков должен был временно ослабеть, особенно ввиду конкуренции восточноевропейского хлеба — продукта крепостного хозяйства с даровой рабочей силой. Кроме того, от продажи этого хлеба сами шведские дворяне — владельцы латвийских и эстонских поместий — получали немалые барыши. Возможно, что все эти обстоятельства не остановили бы крепостнических устремлений шведских феодалов, если бы само крестьянство грудью не встало на борьбу за землю и за свободу. Классовую борьбу крестьянства в Швеции дей-

⁵⁶ S. Rosenhane. Указ. соч., стр. 49, 6, 47—48, 51.

⁵⁷ См. К. Маркс. Капитал. Т. III. 1953, стр. 815—816.

⁵⁸ S. Rosenhane. Указ. соч., стр. 50. Ад. т. «С», л. 106; Giörgwell. Указ. соч. I, стр. 108, 88—89.

⁵⁹ См. К. Маркс. Капитал. Т. I. 1951, стр. 746, 748.

ствительно облегчало то обстоятельство, что шведский крестьянин, подобно норвежскому, никогда не находился в личной крепостной зависимости. С сохранением ряда дофеодальных демократических институтов и связаны те «традиции», которые в шведской литературе крайне идеализируются. Не менее существенным было и весьма позднее и сравнительно широкое (даже по сравнению с Норвегией) сохранение дофеодальной крестьянской собственности на землю. Еще в начале XVII в. шведским податным крестьянам принадлежало, на правах наследственного владения, около половины всей земли в стране. В этом смысле аграрные отношения в Швеции и Финляндии напоминают в известной мере отношения, существовавшие на русском Севере.

Если в Швеции не могла восторжествовать крепостническая тенденция, то тем более невозможно было в XVII в. и торжество буржуазных отношений в ее сельском хозяйстве. Для этого необходимо было иметь значительно более развитую капиталистическую промышленность (мануфактуру), нужна была более длительная «подготовительная работа» товарного производства. Не более 5% населения Швеции XVII в. жило в городах; в сельской местности был еще широко распространен натуральный обмен, да и уровень сельского хозяйства, несмотря на получение неплохих урожаев с малых площадей, был значительно ниже, чем в Англии XVI века. В этих условиях даже сравнительно прогрессивная форма эксплуатации — наемный труд — частично применялась в старых, потребительских, целях.

Из столкновения обеих тенденций — барщинной и вольнонаемной — в XVII и особенно в XVIII вв. рождался некий «средний» путь — обработка земель имения силами полуфеодальных держателей за отработки, торпарей⁶⁰. С помощью этой промежуточной формы эксплуатации рабочей силы дворянское поместье, как показала последующая аграрная история Швеции, сумело неплохо приспособиться к развитию капиталистических отношений и надолго укрепить свои позиции. Еще в начале нашего века В. И. Ленин отмечал «очень сильный вес»

аристократии в Швеции⁶¹. Торпаря, как многочисленный слой сельского населения, удержались здесь до XIX в., а в Финляндии — до XX века. Эта, а также другие отмеченные выше особенности (отсутствие личной крепостной зависимости, запоздалый рост дворянского землевладения и помещичьего хозяйства, важное значение дворянской промышленности) привели к тому, что разложение феодализма и развитие капитализма в сельском хозяйстве Швеции XVIII—XIX вв. отличалось большим своеобразием и не укладывалось в «классические» рамки прусского или американского пути. До специального марксистского исследования, вернее, ряда исследований этого процесса, важнейшим этапом которого была насильственная и радикальная ломка сельской общины, начиная с середины XVIII в., можно лишь утверждать, что путь, по которому пошло развитие капитализма в сельском хозяйстве Швеции, обеспечил феодальному дворянству наилучшие возможности и наименьшие потери при обуржуазивании. Для беднейших же слоев крестьянства это был путь разорения, обезземеления, голода, алкоголизма, эмиграции. Существование различных форм эксплуатации крестьянства, мучительное переходное состояние, от которого русскую пореформенную деревню избавила лишь социалистическая революция, длилось в Швеции около двух веков. Оно смягчалось только тем обстоятельством, что удельный вес помещичьего землевладения в Швеции был меньше, чем в России, и что там не было самодержавия, сохранялись представительные учреждения с участием крестьянских выборов⁶².

Так намечаются перспективы дальнейшего аграрного развития Швеции за пределами XVII века. Возвращаясь к поставленному в начале статьи вопросу, мы можем лишь подтвердить в отношении Швеции правоту тех историков, которые видят в усилении барщинно-крепостнических тенденций в ряде феодальных стран XVI—XVIII вв. в конечном счете следствие капиталистического развития их соседей, для Швеции — в первую очередь Нидерландов.

⁶⁰ Важность отработок в сельском хозяйстве Швеции XVIII в. отметил Я. Я. Зутис в предисловии в «Истории Швеции» И. Андерссона, стр. 14.

⁶¹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 399.

⁶² См. замечания Ленина о тождественной шведской «старой финляндской конституции». В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 283.